

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.4>

Бородина Елена Васильевна

ЧЕЛОБИТНАЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XVII-XVIII ВВ.: СТРУКТУРА И ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМУЛЯРА

Статья посвящена анализу такого распространенного источника XVII-XVIII вв., как челобитная. Несмотря на значительное количество исследований и публикаций, посвященных указанному источнику, на данный момент отсутствуют обобщающие работы, на основе которых можно было бы выяснить, каким образом происходило развитие этого документа в России раннего Нового времени. Ответ на этот вопрос является целью данной статьи. Автором был использован формулярный анализ источника для того, чтобы в рамках длительной временной перспективы показать изменения, происходившие в системе государственного управления Российского государства. Делается вывод, что, несмотря на многочисленные реформы XVIII в., формуляр челобитной развивался в большей степени естественным путем. В связи с этим нельзя согласиться с мнением о том, что в период правления Петра Великого произошло активное заимствование текстовых моделей из Западной Европы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/12/4.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 28-33. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(470)“16/17”

Дата поступления рукописи: 23.10.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.4>

Статья посвящена анализу такого распространенного источника XVII-XVIII вв., как челобитная. Несмотря на значительное количество исследований и публикаций, посвященных указанному источнику, на данный момент отсутствуют обобщающие работы, на основе которых можно было бы выяснить, каким образом происходило развитие этого документа в России раннего Нового времени. Ответ на этот вопрос является целью данной статьи. Автором был использован формулярный анализ источника для того, чтобы в рамках длительной временной перспективы показать изменения, происходившие в системе государственного управления Российского государства. Делается вывод, что, несмотря на многочисленные реформы XVIII в., формуляр челобитной развивался в большей степени естественным путем. В связи с этим нельзя согласиться с мнением о том, что в период правления Петра Великого произошло активное заимствование текстовых моделей из Западной Европы.

Ключевые слова и фразы: источники; челобитная; формуляр; делопроизводство; Московская Русь; Российская империя; реформы Петра Великого.

Бородина Елена Васильевна, к.и.н.

*Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург
sosnovi-bor@yandex.ru*

ЧЕЛОБИТНАЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XVII-XVIII ВВ.: СТРУКТУРА И ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМУЛЯРА

*Статья выполнена в рамках комплексной программы фундаментальных исследований РАН
18-6-6-20 «Институциональные практики в государственном строительстве
и социальная интеграция в России XVII – начала XX в.».*

Челобитная является одним из наиболее востребованных исторических источников и используется для реконструкций явлений и процессов в различных сферах жизни общества. Данная ситуация объясняется как тенденцией постоянного роста роли государства и его структур в регулировании социальных отношений, так и последовательной интенсификацией взаимодействия по многообразным вопросам между властью и социумом.

Челобитная являлась письменным прошением от индивида или коллективного лица, которое могло быть написано как самим просителем, так и специально подготовленными для этой работы канцеляристами, сельскими, мирскими и церковными дьячками, иными «мелкими приказными людьми» [11, с. 9]. В них находили выражение не только повседневные проблемы, но и вопросы политического значения. По замечанию Е. Н. Марасиновой, «поток откровений на высочайшее имя воспроизводил реалии повседневной жизни русского общества, действительно насущные проблемы людей, их отношение к власти и мировосприятие в целом» [21, с. 256]. Неслучайно ряд историков и филологов, занимающихся проблемами истории русского языка, отмечают, что источник находится на стыке между официальными и частно-деловыми документами [11, с. 13; 24, с. 288-289]. В связи с этим проработка источников данного вида остается **актуальной**.

Постепенное усложнение общества привело к увеличению числа челобитных, подававшихся на имя монарха, и к необходимости более жесткого государственного регулирования с целью ограничения потока жалоб и прошений на высочайшее имя. Данная тенденция особенно сильно проявилась в XVIII столетии, которое традиционно связывается с «революцией» в области организации архивного дела и делопроизводства, инициированной реформами Петра Великого [10, с. 8; 16, с. 280, 283].

Следует отметить длительную традицию изучения этого источника, которая продолжается в том или ином ключе и в наши дни. Исследование челобитных осуществлялось в первую очередь в комплексе с другими документами бытовой и деловой письменности XVII-XVIII вв., основной целью которых являлось изучение текстов, язык которых предположительно близок к народно-разговорному [23, с. 4; 25, с. 3]. В связи с этим во многих монографиях и сборниках документов, посвященных деловой письменности раннего Нового времени, дается общая характеристика челобитной как источника, оценивается ее информационный потенциал для реконструкции жизни общества в различные периоды истории, приводится краткий формулярный анализ их текстов [11; 23, с. 9-10; 38].

Кроме того, челобитные составляют самостоятельные сборники документов. В них, как правило, содержатся развернутые комментарии, позволяющие дать более полное представление об источнике [20]. Описание и разбор документов делопроизводства, в том числе структуры и особенностей челобитной, содержится во многих конкретно-исторических трудах, посвященных российской истории XVIII столетия [17].

В историографии существует распространенное мнение о том, что формуляр челобитной оставался практически неизменным на протяжении долгого времени [Там же, с. 37]. Несмотря на значительный массив

исследований и многообразие подходов к изучению челобитной, обращает на себя внимание отсутствие анализа формуляра документа в диахронной перспективе на протяжении нескольких столетий его существования. **Целью** данной статьи является стремление произвести комплексное изучение челобитной как источника на протяжении почти двухсотлетнего периода ее существования.

Постановка такой цели, безусловно, требует ряда оговорок. Автором не ставилась задача собрать как можно более полный массив документов данного вида. Как уже было отмечено выше, челобитные, подобно многим другим документам раннего нового времени, являются распространенным источником. В связи с этим в основу работы была положена случайная выборка источников официально-делового характера, представляющая собой совокупность опубликованных и архивных материалов XVII-XVIII столетий, которые касались преимущественно судебных случаев и в состоянии дать сведения об основных этапах развития документа с точки зрения анализа отдельных смысловых единиц – компонентов первого и второго порядка.

На значимость формулярного анализа документальных источников обращали внимание многие исследователи. Применение этого метода характерно преимущественно для работ по средневековой европейской и русской истории [18, с. 53-146]. По наблюдениям Л. Н. Пушкарева, «связь источника с действительностью важна... для выяснения содержания и формы источника... имеет методологическое и методическое значение» [33, с. 87]. Думается, что не менее существенным является выяснение обратной зависимости: каким образом основные компоненты документа отражают уровень развития социума. В связи с этим изучение изменений формуляра представляет интерес, так как позволяет выявить значимые трансформации в жизни общества, имеет **научную новизну**.

Среди **задач** исследования эволюции формуляра челобитной следует назвать, во-первых, анализ основных элементов внутренней структуры документа; во-вторых, характеристику используемой лексики. Особое внимание уделено выявлению формул – устойчивых слов и словосочетаний, в обязательном порядке включавшихся в состав источника [18, с. 174]. В-третьих, предполагается произвести сопоставление формуляров XVII и XVIII вв., выделив их сходства и различия. Как отметил М. Мозер, композиция делового текста, как правило, строго регламентирована. В связи с этим мы сконцентрируемся на определении постоянных и изменяющихся элементов [40, S. 121-122].

В первую очередь следует еще раз остановиться на определении понятия «челобитная» и времени возникновения этого документа. Для характеристики слова, как правило, используются синонимы «жалоба» и «прошение». Это хорошо видно при анализе определений, данных челобитной различными авторами. Статья В. И. Даля, например, содержит следующую дефиницию: «челобитна, челобитня, челобитная ж., челобитье ср. поклон; просьба; жалоба» [15, с. 7337]. Историк русского языка С. С. Волков, проанализировавший структуру памятников письменности XIV-XVII вв., утверждает, что слово «челобитная», обозначающее «акт, письменное прошение, жалобу, исковое заявление», появляется в деловой письменности Московского государства в последней четверти XVI в. и заменяет термин «жалобница», имевший более узкое значение (акт, содержащий жалобу). Образование существительного «челобитная» произошло в результате применения продуктивной словообразовательной модели, когда акты обозначались субстантивированными именами прилагательными женского рода [11, с. 11].

Действительно, дореволюционные исследователи, активно занимавшиеся изучением актов и судебных материалов XIV-XV вв., отмечали, что долгое время они не включали в себя записанной челобитной: «...тот, кто бил челом, тот сказывает». Информацию о жалобах можно было найти лишь в записях допросов тяжущихся сторон и иных актовых источниках [22, с. 27, 30]. Это подтверждает и анализ сохранившихся судебных списков второй половины XV – середины XVI в., каждый из которых включал пересказ устной жалобы истца [4, с. 460, 464, 466, 468, 470, 472, 476, 478, 480, 482, 484, 486; 5, с. 9, 43, 82, 214; 6, с. 13, 18, 97, 104, 116, 119, 127, 194; 7]. Запись иска к великому князю начиналась словами «жалоба ми, господине, на».

Бессудные грамоты конца XV в. начинались словами «се бил челом» [6, с. 221]. Данное обстоятельство может косвенно свидетельствовать о существовании уже на этом этапе развития Московского государства документально оформленных просьб, поступавших на имя великого князя. Вопреки данным С. С. Волкова стоит отметить, что первые челобитные великому князю, а затем – царю, появляются значительно раньше [1, с. 426]. К рубежу XVI-XVII вв. их составление приобрело более массовый характер, что, по всей видимости, было связано с изменением отношений между государем и обществом, перестройкой взаимодействия монарха с подданными.

В конце XVII в. челобитная – полифункциональный документ. Этим термином обозначалась целая группа актов, в которую входили прошения, жалобы, доносы по «государеву слову и делу» и иные официальные заявления. В зависимости от содержания излагаемого в документе дела челобитные делились на исковые (судебный иск), явочные (уведомление властей о чем-либо), изветные (донос по государеву «слову и делу»), словесные (записанные кратко со слов челобитчика), мировые (заявление о достижении соглашения спорящими до суда), заручные (поручительство) [9, с. 265]. Среди видов челобитных, существовавших в XVII в., С. С. Волков выделяет также повинную (признание своей вины и просьба о смягчении наказания), отсрочную (просьба о переносе судебного разбирательства) и ставочную (заявление о явке в суд и отсутствии противной стороны) челобитные [11, с. 12]. Данные подвиды челобитных встречаются и среди документов середины XVIII в.

Кроме того, все челобитные этого периода можно подразделить на частно-деловые и официально-деловые [Там же, с. 8]. Среди материалов эпохи раннего Нового времени мы можем найти как документы, касающиеся отношений между отдельными членами общества (землевладельцем и крестьянами, приказчиками,

предпринимателями и работниками), так и обращения, адресованные непосредственно представителям власти. Последняя совокупность источников количественно превосходит комплексы частно-деловой переписки. На наш взгляд, она представляет наибольший интерес, так как отражает уровень вовлеченности государства в регулирование социальных процессов.

Разнообразие челобитных, безусловно, накладывает отпечаток на работу с каждым подвидом документов из приведенной классификации. Как было отмечено выше, мы сфокусируемся на анализе состава исковых челобитных, которые являются ядром значительных источниковых комплексов – судебно-следственных документов, – лишь в некоторых случаях привлекая данные челобитных других подвидов. Именно судебно-следственная документация, которая традиционно плохо поддается типологизации (в учебниках и работах по источниковедению этот вид источников либо не упоминается вообще, либо кратко характеризуется как специальная система государственного делопроизводства), составляет наиболее информативную совокупность материалов [16, с. 284]. Во многих случаях исковая челобитная являлась единственным документом, участвовавшим в формировании судебно-следственного дела.

Отсутствие репрезентативной выборки челобитных, датируемых XVI столетием, не позволяет с уверенностью говорить об их составе и структуре. На данный момент каких-либо нормативно-правовых актов рубежа XVI-XVII вв., устанавливавших правила составления данного вида документов, нами не выявлено. Несмотря на это, некоторые документальные комплексы XVII в. позволяют выявить общие черты, характерные для челобитных конца предыдущего столетия.

Наиболее показательными среди них являются документы первых лет XVII в., возникновение которых приходится на один из самых сложных этапов российской государственности. Обратимся к характеристике начальной части документа – протокола. Следует отметить, что во всех вводных частях формуляра челобитной адресат всегда называется на первом месте, тогда как имя адресанта отправляется на вторую позицию. Такая последовательность наблюдается еще в текстах берестяных грамот, а во время начала массового составления челобитных в конце XVI-XVII в. становится обязательной [40, S. 128-129].

Все челобитные рубежа XVI-XVII вв. начинаются с обращения к представителям власти («Государю царю и великому князю» или «Царю государю и великому князю») [1, с. 455-457; 2, с. 252, 366, 401; 8, с. 82-83]. Ввиду возникновения нескольких центров властных полномочий, челобитные этого периода писались не только на имя царя, но и были адресованы другим представителям власти, будь то шведская администрация в Новгороде или «бояре и воеводы», «бояре и воеводы и вся земля» [3, с. 467-468, 476-478; 8, с. 83-85]. С приходом к власти династии Романовых в челобитные возвращается более традиционная формулировка: «Царю государю и великому князю [имя монарха] Всея Руси» [1, с. 489, 491; 2, с. 450, 463, 464; 3, с. 433; 8, с. 85-89; 23, с. 48-91].

В течение второй половины XVII в. наблюдается, с одной стороны, тенденция к унификации написания царского титула, с другой – к его дополнению и уточнению для использования в официально-деловых документах. Особенно это проявилось в годы правления царя Алексея Михайловича, в царствование которого неоднократно издавались указы с требованием включить в титул указания на новые, включенные в состав Московского государства территории [36]. В соответствии с указами, ошибки в написании пространного титула карались тюремным заключением или болезненными телесными наказаниями [27, с. 459, 564]. В ряде случаев законодательные акты содержали отдельные упоминания об использовании пространного титула царя в челобитных [Там же, с. 369]. Тем не менее в этих документах чаще всего использовалась краткая версия титула с несколько видоизмененной формулой: «Царю государю и великому князю [имя монарха], всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу» [35]. Лишь в конце XVII столетия формула на время принимает вид «Царем государем и великим князем», «Великим государем царем и великим князем» [23, с. 109, 116-121].

В последней четверти XVII столетия корректировке подверглась заключительная, просительная часть текста. В именном указе от 8 июня 1680 г. царь Федор Алексеевич повелел всем стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам исключить из челобитных формулу «чтоб он великий государь пожаловал, умилосердился как Бог» [28, с. 268-269]. Несмотря на провозглашение запрета, следует отметить, что изучение челобитных, написанных до этого года, не дало возможности увидеть использование такой формулировки. По-видимому, указ касался отдельного акта, выбивавшегося из ряда всех остальных документов подобного рода.

Несмотря на изменение первой фразы-обращения, все челобитные имеют более или менее одинаковую структуру. Изучение источников позволило выделить в них три части, на которые уже было обращено внимание историков и филологов. I. Начальный протокол, содержащий 1) формулу обращения к адресату (кому): «Царю государю и великому князю...»; 2) формулу челобитья: «бьет челом...»; 3) сведения об адресате: «холоп твой», «богомалец твой» и т.д.; 4) указание на обидчика. II. Основная часть с изложением сути дела (*narratio*). III. Просительная часть: «Милосердный государь и великий князь... пожалуй меня... вели, государь, мое челобитье записать». IV. Конечный протокол: «Царь государь смилуйся пожалуй...» [11, с. 78; 24, с. 289-290]. Все эти элементы присутствовали в челобитных на протяжении всего XVII в. Лишь в некоторых из них наблюдаются отклонения от заданной формы, которые можно объяснить низким уровнем грамотности писавшего ее человека [23, с. 106].

Жалобы и прошения начала рубежа XVI-XVII столетий почти не имеют датировки. Не указываются на них и имена составлявших челобитную канцеляристов [8, с. 83-88; 24, с. 289]. Данное обстоятельство может быть связано с особенностями ведения делопроизводства того времени, когда судебно-следственные документы подклеивались один за другим в порядке их составления в канцелярии.

Некоторые изменения в этом вопросе наблюдаются в начале 1630-х гг., когда в конце челобитных начинают появляться приписки с фиксацией даты обращения, имени и чина записавшего его лица и места составления [23, с. 48]. Чаще – с обозначением даты и имени истца [Там же, с. 49, 50, 57]. К концу XVII в. подпись истца на челобитной становится более постоянным элементом, тогда как датировка на документе представляется редко [Там же, с. 89-91, 116, 120, 121].

Как правило, датировать документы позволяют приписки, выполненные на обороте челобитных. Они делались дьяком или иным руководителем канцелярии, который знакомился с существом дела и мог поставить дату ее прочтения [1, с. 427; 39, с. 19].

Таким образом, в течение XVI-XVII вв. формуляр челобитной оставался практически неизменным. Несмотря на то, что к середине XVII в. речевые средства языка деловой письменности расширили сферу своего употребления и приобрели дополнительные социальные функции, начав использоваться в качестве выразительных средств в произведениях литературы, функции челобитной и ее язык в целом были стабильны [19, с. 68].

Требования к составлению судебно-следственных документов постепенно ужесточаются. В частности, Соборное Уложение 1649 г. включило нормы, регулировавшие вопросы записи существа судебного дела со слов истца и ответчика [37, с. 98]. Это нашло отражение в правилах составления текста, инициирующего судебное производство документа, – челобитной.

Интерес верховной власти к оформлению судебно-следственной документации постоянно рос в течение второй половины XVII – начала XVIII в. Особое внимание форме челобитной начинает уделяться в годы правления Петра Великого. В указе от 11 ноября 1721 г. наряду со словесными формулами для официальных документов были внесены устойчивые выражения, требовавшиеся для составления челобитных. Так, челобитные и отписки предписывалось начинать «всепресветлейший державнейший император и самодержец Петр Великий, отец Отечества, государь всемилостивейший». В середине прошения использовать «всемилостивейший государь, прошу Вашего Императорского Величества», а в окончании – «Вашего Императорского величества низжайший раб имярек» [30, с. 454].

Анализ документальных источников показал, что формулировка «царю государю и великому князю» довольно быстро была заменена на «всепресветлейший державнейший император и самодержец [имя монарха] государь всемилостивейший», которая модифицировалась в зависимости от имени и пола монарха [14, д. 15, л. 5; 25, с. 164-167]. Так же скоро произошло включение в текст других выражений. Правда, формула «Вашего Императорского величества низжайший раб» периодически выпускалась из текстов челобитных [14, д. 32, л. 8, 10 об.].

Синонимами слова «челобитная» в XVIII в. являлись слова «прошение» и «доношение». Анализ документальных источников позволяет говорить о том, что слова «челобитная», «доношение» и «прошение» использовались для именованья одних и тех же документов уже в 1730-1740-е гг. В годы правления Екатерины II слово «прошение» утвердилось в качестве основного названия данного документа [21, с. 263; 32, с. 534].

В 1786 г. происходит дальнейшее изменение основных формулировок документа. В частности, императрица повелела использовать вместо слов «бьет челом» «приносит жалобу» или «просит», а слова «всеподданнейший раб» заменить на «всеподданный» или «верный подданный». Все перечисленные выше языковые изменения позволяют проследить трансформации, происходившие в вопросе выстраивания связей между властью и обществом: от подчеркнуто зависимого положения холопа/богомольца/сироты и более нейтральной формулировки, выражавшей подчиненное положение просящего (раб), оно стремилось к перейти к отношениям подданничества [21, с. 261-263].

Сам формуляр челобитной был утвержден указом «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. Нормативно-правовой акт не содержал образца формуляра в современном понимании слова, но давал представление о его основных элементах. Челобитные следовало сочинять «по пунктам», чтобы «что писано в одном пункте, в другом бы того не было». Среди ее составных частей назывались «титло» – обращение к персоне царя – указание на имена истцов и ответчиков, изложение просьбы. Повелевалось завершать документ словами «прошу Вашего Величества о сем моем челобитье решение учинить» [31, с. 147, 150]. Следует отметить, что основные структурные элементы челобитной сохранили свою позицию и значение, не отличались от того, что предполагалось включать в документ в XVI-XVII столетиях.

Кроме того, указом от 16 февраля 1717 г. предписывалось на всех бумагах в присутственных местах писать год, месяц, «когда писаны», а судьям и дьякам на подаваемых челобитчиками бумагах пометать год, месяц и число, когда подана бумага [26, с. 348; 29, с. 489]. Повеление властей становится нормой, что видно при изучении заключительной части текстов челобитных начала – середины 1720-х гг. [14, д. 14, л. 1, 3 об., д. 15, л. 5]. В конце 1720-х – начале 1730-х гг. в текст данного вида источников начинает помещаться указание на название ведомства, в которое следовало подать челобитную, и имя составившего ее канцеляриста [34, д. 18, л. 1 – 1 об.].

Как и в XVII в., качество оформления челобитной (почерк, расположение текста, выделение пунктов) зависело от умений и квалификации писца. Даже после вступления в силу указа «О форме суда» 1723 г. в структуре и формулировках, использовавшихся в прошениях, наблюдался разноречивый. Во-первых, это можно заметить при анализе организации текста на странице (членение текста на пункты, каждый из которых имел свой номер, или лишь формальное следование отдельным указаниям нормативного правового акта, с выделением из основного текста вступительной части и заключительной просьбы). Отсутствие строгого единства требований в составлении документа существовало даже в рамках одной канцелярии [Там же, д. 18, л. 1 – 1 об., д. 26, л. 109]. Во-вторых, имеются различия в написании обязательных вводных и заключительных оборотов.

Так, в ряде случаев в начальном протоколе опускается формула обращения к монарху [12, д. 8, л. 141; 14, д. 32, л. 8]. Вступительная фраза с обозначением имени истца в челобитной могла либо отсутствовать, либо иметь несколько вариаций: «а об чем мое прошение, тому следуют ниже сего пункты», «а о чем мое прошение, о том ниже сего» и т.п., – либо переместиться в конец прошения. Завершая челобитную, писец также мог использовать разные конструкции: «прошу Вашего Величества о сем моем челобитье решение учинить», «прошу Вашего Императорского Величества на сие мое прошение учинить решение», «прошу Вашего Императорского Величества о сем моем челобитье решение учинить». В некоторых случаях в заключительном обращении использовалась формулировка, где содержалось указание на учреждение, в которое обращался проситель: «...того ради с покорностию Сибирского обер-бергамта прошу на сие мое прошение учинить милостивое решение» [13, д. 388, л. 148; 14, д. 14, л. 3 – 3 об., д. 15, л. 5].

Несмотря на все разночтения, можно отметить, что в конце первой трети XVIII в. произошло окончательное складывание формуляра челобитной. Как и в предыдущие столетия, он продолжал включать обращение к правителю; обозначение имени истца; диспозицию конфликта (обстоятельства, предшествовавшие столкновению сторон); описание обстоятельств, при которых произошла конфликтная ситуация, изложение сути спора и просьбу решить дело в пользу истца. Тем не менее в формуляре челобитных XVIII в. появляются новые элементы, служившие средством государственного контроля над скоростью рассмотрения жалобы и, в случае необходимости, прохождения дела по судебным инстанциям.

В целом формуляр челобитной конца XVIII в. ничем не отличался от формуляра конца 1720-х – начала 1730-х гг. [12, д. 8, л. 143 – 143 об., 151-152, 156 – 156 об.]. Таким образом, сложившаяся в течение XVI-XVII вв. отчасти стихийно, отчасти под воздействием государственного регулирования и политики по отношению к делопроизводству внутри приказов форма документа была уточнена и законодательно закреплена в России периода империи.

Подводя итоги, стоит отметить, что пример развития формуляра челобитной хорошо иллюстрирует процесс роста бюрократизации аппарата управления Российского государства. Анализ формул этого источника позволяет увидеть постепенное изменение отношений между монархом и обществом. Их выстраивание двигалось от взаимодействия в риторике строгого господства-подчинения к утверждению идей диалога между императором/императрицей и подданными. Преобразования начала и конца XVIII в. мало повлияли на структуру формуляра челобитной. Несмотря на нормативное регулирование, документ сохранил свое функциональное назначение и основные компоненты, сложившиеся на рубеже XVI-XVII вв. Данное обстоятельство не позволяет согласиться с мнением М. Мозера о том, что в годы царствования Петра Великого наблюдалось интенсивное заимствование текстовых образцов из Западной Европы [40, S. 144]. Даже если это заимствование имело место, его существенные результаты проявились лишь к концу столетия.

Список источников

- 1. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века:** сб. документов: в 4-х т. М.: Древлехранилище, 2002. Т. 3. 680 с.
- 2. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века:** сб. документов: в 4-х т. М.: Древлехранилище, 2008. Т. 4. 632 с.
- 3. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века:** сб. документов: в 4-х т. М.: Памятники исторической мысли, 1998. Т. 2. 608 с.
- 4. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.:** в 3-х т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. Т. 1. 803 с.
- 5. Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря (1506-1613 гг.).** Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983. 352 с.
- 6. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков:** в 3-х ч. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. Ч. 1. 400 с.
- 7. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков:** в 3-х ч. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. Ч. 2. 663 с.
- 8. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства.** СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1838. 463 с.
- 9. Большакова О. В.** Крестьянские челобитные XVII в. Из собрания Государственного исторического музея / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. Е. И. Индова; сост. Н. В. Горбушина и др. М.: Наука, 1994. 329 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: реферативный журнал. Серия 5. История. 1996. № 1. С. 264-266.
- 10. Брескина Н. В.** Основы делопроизводства: учеб. пособие. Ставрополь: СКФУ, 2014. 123 с.
- 11. Волков С. С.** Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. 164 с.
- 12. Государственный архив Пермского края (ГАПК).** Ф. 15. Оп. 1.
- 13. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).** Ф. 24. Оп. 1.
- 14. Государственный архив Тюменской области (ГАТО).** Ф. И-181. Оп. 1.
- 15. Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Директ-Медиа, 2014. 7602 с.
- 16. Данилевский И. Н., Добровольский Д. А., Казаков Р. Б. и др.** Источниковедение: учеб. пособие / отв. ред. М. Ф. Румянцев. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.
- 17. Каменский А. Б.** Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 2006. 403 с.

18. **Каштанов С. М.** Русская дипломатика: учеб. пособие для вузов по специальности «История». М.: Высшая школа, 1988. 231 с.
19. **Кожин А. Н.** Литературный язык Московской Руси. М.: Русский язык, 1984. 184 с.
20. **Крестьянские челобитные XVII в.:** сб. документов / Российская академия наук, Институт российской истории; сост. Н. В. Горбушина и др. М.: Наука, 1994. 329 с.
21. **Марасинова Е. Н.** Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам переписки). М.: РОССПЭН, 1999. 299 с.
22. **Мейчик Д. М.** Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. Их форма, содержание и значение в истории русского права. М.: Типография Л. Ф. Снегирева, 1883. 158 с.
23. **Московская деловая и бытовая письменность XVII века** / ред. С. И. Котков. М.: Наука, 1968. 338 с.
24. **Нордквист Л.** Несколько челобитных из Новгородского оккупационного архива // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2. С. 285-303.
25. **Памятники московской деловой письменности XVIII века.** М.: Наука, 1981. 316 с.
26. **Памятники русского права:** учебно-научное пособие: в 35-ти т. / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2014. Т. IV. Памятники периода права в период единодержавия Петра I. 584 с.
27. **Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗРИ):** в 33-х т. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. I. 1649-1675. 1044 с.
28. **ПСЗРИ с 1649 года:** в 33-х т. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. II. 1676-1688. 977 с.
29. **ПСЗРИ с 1649 года:** в 33-х т. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. 1713-1719. 782 с.
30. **ПСЗРИ с 1649 года:** в 33-х т. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. 1720-1722. 818 с.
31. **ПСЗРИ с 1649 года:** в 33-х т. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VII. 1723-1727. 925 с.
32. **ПСЗРИ с 1649 года:** в 33-х т. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXII. 1784-1788. 1175 с.
33. **Пушкарев Л. Н.** Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 281 с.
34. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 518. Оп. 1.
35. **Сборник документов по истории Бурятии. XVII век** [Электронный ресурс] / сост. Г. Н. Румянцевым и С. Б. Окунь. Вып. 1. Документы (1609-1700 гг.). URL: [http://ostrog.ucoz.ru/publikacii/4_47.htm#ДОКУМЕНТЫ_\(1609-1700_ГГ.\)](http://ostrog.ucoz.ru/publikacii/4_47.htm#ДОКУМЕНТЫ_(1609-1700_ГГ.)) (дата обращения: 19.10.2019).
36. **Талина Г. М.** Царская власть в XVII веке: титулование и положение [Электронный ресурс]. URL: https://www.portal-slovo.ru/history/35633.php?ELEMENT_ID=35633&SHOWALL_1=1 (дата обращения: 19.10.2019).
37. **Тихомиров М. Н., Елифанов П. П.** Соборное Уложение 1649 года: учеб. пособие для высш. школы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1961. 444 с.
38. **Чашина Е. А.** Особенности языка памятников деловой письменности Московской Руси (по материалам явочных челобитных XVII века) // *Investigationes Linguisticae*. 2005. Vol. XII. С. 77-88.
39. **Шмидт С. О., Князьков С. Е.** Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI-XVII вв.: учебное пособие. М.: МГИАИ, 1985. 102 с.
40. **Moser M.** Formalhaftes in der russischen Geschäftssprache bis zu Peter dem Großen (Urkunden, Briefe, Publizistik) // *Österreichische Osthefte. Zeitschrift für Mittel-, Ost- und Südosteuropaforschung*. 1997. Jahrgang 39. S. 119-144.

**PETITION AS A SOURCE
TO STUDY HISTORY OF THE RUSSIAN SOCIETY OF THE XVII-XVIII CENTURIES:
STRUCTURE AND EVOLUTION OF FORM**

Borodina Elena Vasil'evna, Ph. D. in History
*Institute of History and Archaeology of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg
sosnovi-bor@yandex.ru*

The article is devoted to analysing a petition, a frequent source of the XVII-XVIII centuries. Despite numerous publications on this issue recently, there are no fundamental works covering the development of this genre in Russia in the early modern period. The paper is intended to compensate for the existing gap. Using the form analysis, the author traces the changes that occurred in the Russian state administration system over a long chronological period. The researcher concludes that, regardless of numerous reforms of the XVIII century, the form of petition developed mostly in the natural way. In this connection, the statement that during Peter the Great's reign, the West European text models prevailed is dubious.

Key words and phrases: sources; petition; form; clerical work; Moscow Rus; The Russian Empire; Peter the Great's reforms.